

Антон БОТЕВ

КАРЛЫШ И МАЛСОН

0

0.1. Зимой плавал на пароме в Швецию, с ее заливными лугами, утренним лесом, ночными трелями соловья, ходил по Вазастану, смотрел, как дети катаются на коньках, и вспоминал о Малыше и Карлсоне. Карлсона часто воспринимают как воображаемого друга, по большей части русскоязычные исследователи, отравленные советской мультипликационной экранизацией. Если смотреть мультфильм, а не читать книгу, то, действительно, Карлсон очень похож на воображаемого друга, или *тульпу*, сказали бы русскоязычные исследователи, если бы знали такое слово. Я помню, как обидно было мне в детстве, что Карлсон является все время исключительно мальчику и улетает, не дождавшись никого из посторонних.

Если считать, что Карлсон не порождение психики Малыша, а существовал в реальности, то это его поведение, хоть и довольно странное, все же может быть объяснено (стеснительностью, скрытностью и т.д.). Но оно не вяжется с образом Карлсона как веселого шалуна, и потому маловероятно. Но пусть. Пусть. Если даже в него поверить, книга получается лишенной интересного подтекста, связанного с воображаемым другом (что, конечно, не означает, что не останется других подтекстов; но этот конкретный пропадет). Существование воображаемого друга вроде бы не противоречит остальным мотивам Астрид Линдгрен (см. исторический обзор критики в [M1]¹), а без него воспринимать этот великий текст становится гораздо менее интересно. Можно, но зачем. От читателя ожидается живая заинтересованность в судьбе толстого человечка с моторчиком? Seriously? Давайте все-таки исходить из того, что это книга о воображаемом друге. Это главный постулат настоящего разбора.

0.2. Ладно, хорошо. Если считать, что рассматриваемая книга имеет дело с воображаемым другом, мы встречаемся с некоторыми труднопреодолимыми сложностями, наиболее трудно преодолимой из которых является то, что Карлсона видит не только Малыш, но и вся его семья, и, помимо семьи, домоправительница фрекен Бок, одноклассники Кристер и Гунилла, а также разбойники Филле и Рулле, не говоря уже о дяде Юлиусе, который с Карлсоном, можно сказать, даже дружит. Не как Малыш, но все же по-своему дружит. Для тульпы такого количества свидетелей все-таки многовато. Проблему можно обойти, вообразив, что на самом деле Малыш придумал не только Карлсона, но и его встречи со всеми перечисленными персонажами, или все это ему снится². Однако это примерно так же неинтересно, как считать, что толстый человек с моторчиком существует на самом деле. Ну пускай он существует в плоском пространстве сновидения, измерений от этого не прибавится.

0.3. Я предлагаю другое, органическое объяснение загадки Карлсона, разрешающее указанную нестыковку, но не впадающее при этом ни в реализм, ни в солипсизм. Воображаемый друг, несомненно, есть, но все ищут его не там. Решение свое уподоблю

¹ [M1] Майофис М. Милый, милый трикстер: Карлсон и советская утопия о «настоящем детстве» // Весёлые человечки: Культурные герои советского детства. М., 2008.

² В одном тексте я встречал малоубедительную (может быть, безграмотную, но хотя бы не откровенно тупую) версию, что и сам Карлсон снится Малышу. Суть этого текста в том, что автор берет известные ему факты из фрейдовской теории толкования сновидений и применяет эти факты к мультфильму, находя в нем признаки сновидения. Среди аргументов автора: «сновидение есть исполнение желания спящего», «у сновидения единственный способ познания, а именно воспоминание», «в сновидении бессознательное начинает проявлять себя» и т.д. <https://nevzdrasmion.livejournal.com/14395.html>

коперниканскому перевороту в науке. Не Солнце вертится вокруг Земли, а Земля вертится вокруг Солнца! Смею надеяться, прочтя настоящий трактат, миллионы людей одумаются, воскликнут, что были неправы, посыпят голову пеплом и признают свою слепоту. Решение лежало у них перед носом, и все же они его не видели, хотя и смотрели в упор! Хорошо, что есть я, который все им объяснил. Свою роль сравню с ролью Прометеуса, но не того Прометеуса, что принес людям огонь как продукт окисления низменной материи, а Прометеуса духовного, несущего людям огонь знаний. А духовный Прометей, как ни крути, куда важнее телесного. Профанное пламя, которое принес первый Прометей, уже не загасить³, а огонь знаний тухнет постоянно.

1

1.1. Но довольно предисловий. Сущность моей уважаемой теории, ее краеугольный камень в том, что отнюдь не Карлсон является воображаемым другом Малыша, а **МАЛЫШ ЯВЛЯЕТСЯ ВООБРАЖАЕМЫМ ДРУГОМ КАРЛСОНА**. Почему мы имеем право так считать? Несложно ответить, тысячи причин. Потому, например, что уже само название говорит об этом. «Lillebror och Karlsson på taket», или «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». В названии есть и Малыш, и Карлсон, а больше никого нет. При этом Карлсону посвящено гораздо больше слов (в шведском названии три, в русском пять, в то время как Малышу всего одно). Если меряться словами, то Карлсон главнее, я уж не говорю, что в предложении смысловое ударение (акцент) обычно падает на последнее слово (сравните «я пришел домой» и «домой пришел я»)⁴. В названиях остальных двух книг саги Малыш даже не упоминается. Вообще свидетельств как минимум симметричности Малыша и Карлсона много, например, слова мамы Малыша (существа, равно обожаемого и Малышом, и Карлсоном): «Я думаю, что и Карлсон не может обойтись без Малыша». Короче, у нас есть все основания полагать, что Малыш и Карлсон это два как минимум равнозначных героя, Карлсон никак не хуже (это плохое, неудачное слово) Малыша, не говоря, например, о щенке, которого он тоже не хуже (и которого, кстати, вообще нет в названии). Речь в книге идет как минимум о Карлсоне не менее чем наполовину (а скорее всего, даже более). Арифметически – он есть в каждой главе. Поэтому с более⁵ чем пятидесятипроцентной вероятностью настоящим, реальным персонажем является именно Карлсон.

1.2. Если Малыш воображаем, то, например, и пропеллер Карлсона воображаем (самим Карлсоном)? Такого вопроса на самом деле не стоит, безжалостно вычеркнем этот вопрос. Если пропеллер Карлсона так же воображаем, как и сам Малыш, можно дойти до того, что и все события, описанные в романе, воображаемы и происходят не в реальности, а в отравленном (к примеру) делириусом мозгу Карлсона. Если в пункте 0.1. был описан грех чистого реализма (*и Карлсон, и Малыш реальны*), то здесь, как и в пункте 0.2., мы рискуем впасть в противоположный грех чистой фантазии (*реален только главный герой*). Оба эти греха суть одно. Давайте, конечно, давайте вообще опишем приход наркомана, весьма продуктивное занятие. Не в этом цель нашего исследования (говоря наиболее общо, она в том, чтобы показать, как тульпа может коммуницировать с реальным миром). Так что как бы там «на самом деле» ни было, будем продолжать думать о Карлсоне так, как он описан в тексте, то есть что он с моторчиком. Совершенно неважно, с моторчиком он или без моторчика.

Что еще можно о нем сказать? Себя он описывает как «в меру упитанного мужчину в самом расцвете лет». Тут тоже можно учитывать его возможное искаженное восприятие

³ В конце концов, в некоторых кафе в Стокгольме постоянно работают настоящие живые каминьки.

⁴ Если довести эту мысль до абсурда, можно дойти до того, что главный герой книги есть Крыша. В каком-то философском смысле это так и есть, примерно как Пещера Платона, но в данном случае углубляться будет излишне.

⁵ (не менее).

себя, большинство мужчин считают себя в меру упитанными и в расцвете лет, иначе они бы занялись спортом и начали вести здоровый образ жизни – в реальности же толп ТРЕЗВЫХ и СПОРТИВНЫХ мужчин в открытом доступе мы не наблюдаем, только по подписке. Кроме указанных фактов жизни Карлсона, или, скорее, интерпретаций, ни сам Карлсон, ни автор текста (Астрид Линдгрен) не дают почти никаких других фактических сведений, кроме разве факта наличия бабушки, но это тоже неудивительно – почти у каждого млекопитающего есть как минимум две бабушки (только у Христа, насколько мне известно, одна). Все, что мы знаем о Карлсоне – что он пухлый коротышка с моторчиком, живущий на крыше, и что у него есть бабушка. Еще он умеет говорить по-английски. Еще какие-нибудь мелочи типа того, что он любит сладкое. Все остальное, что только возможно придумать, не будет противоречить тексту повести. Можно равно представлять его мускулистым пухлым докером, рыхлым пухлым безработным или *офисным пухлым планктоном*. Он может по вечерам бухать или ширяться, вести здоровый образ жизни (маловероятно) или писать стихи, одновременно рисуя красных петушков. Он может, подобно Питеру Паркеру или же, к примеру, Кларку Кенту, по ночам бороться со злом (отголоски этого мы видим в сцене наказания воров Филле и Рулле). Он может быть кем угодно! В конце исследования я попробую его описать, но пока что любой пухлый мужчина низенького роста, не обязательно даже европеоид, может сказать: *je suis Carlsson*⁶.

1.3. Рассмотрим остальных членов семьи Малыша: маму, папу, Боссе и Бетан. В тексте книги они все видели Карлсона (а в мультике нет). Если бы Карлсон на самом деле был воображаемым другом, тут возникли бы проблемы. Но поскольку воображаемый друг Малыш, проблем нет. Действует простое общее правило: член семьи воображаемого друга тоже является воображаемым. То есть и у мамы, и у папы, и у Боссе, и у Бетан не остается никакого иного выхода, кроме как быть воображаемыми. Во второй части трилогии Карлсон говорит про Боссе и Бетан: «Сами они выдумка». Одноклассники Малыша Кристер и Гунилла, ребята во дворе, которым Карлсон устраивает представление с собакой Альберг – разумеется, тоже воображаемы, Карлсон говорит о них в первой части практически то же самое, что о сиблингах Малыша – что они «на редкость глупая выдумка». Интересно здесь, во-первых, что Кристер и Гунилла образуют единое целое, как мужское и женское начало дружбы, которой (в реальности) лишен и Карлсон, и его воображаемый друг (Карлсон употребляет слово «выдумка» в единственном роде не случайно); во-вторых, Кристер и Гунилла – *воображаемые друзья второй степени*: если членов семьи Карлсон придумал сам, то привилегию придумать себе друзей он предоставил воображаемому другу первой степени (это подтверждается и тем, что самовлюбленное существо не назвало бы свою выдумку на редкость глупой). Как воображаемые друзья второй степени они, естественно, и меньше проработаны. Возможно, такие же слова (а именно что Малыш на редкость глупая выдумка) Карлсон слышал от своих родителей, коллег-докеров, в службе занятости, в офисе от ракообразных с соседнего стола или, скорее всего, от одной из двух бабушек. Когда Карлсон познакомится с Кристером и Гуниллой в реальности, то есть в воображении первого уровня, он перестанет считать их воображаемыми друзьями исключительно Малыша (тульпами от этого они быть не перестанут, но Карлсон присвоит их уже *своему* воображению), они, возможно, обретут индивидуальность и начнут действовать самостоятельно.

1.4. Дополнительным свидетельством того, что из Карлсона и Малыша реален именно Карлсон, служит тот факт, что в книге роль Карлсона активна, а роль Малыша (и всех прочих, с кем Карлсон имеет дело) пассивна. Карлсон всячески пригнетает Малыша и его друзей, а они готовы на все, лишь бы не услышать, что он так не играет. Карлсон затягивает пылесосом любимую марку Малыша, а тот, вместо того чтоб ударить его по

⁶ Вообще говоря, не обязательно даже пухлый и не обязательно даже низкого роста.

голове, как сделал бы любой нормальный ребенок, оправдывается за то, что сначала обиделся. Он отбирает у детей сласти, оскорбляет их, обманывает, а они воспринимают все как должное. Даже папа Малыша просит остальных членов семьи никому не говорить о существовании Карлсона. Так дети боятся сказать родителям о приставаниях странных дядь. Карлсон как будто герой саг, словно античный бог, неуязвимый и непобедимый (на протяжении почти всей книги; далее с ним произойдет трансформация). Он побеждает всех, с кем вступает в конфликт, даже если это просто спор, им же и инициированный, не говоря уж о настоящих конфликтах, будь то низведение фрекен Бок или жуликов (опять инициированные им). В некоторых советских и даже российских критических статьях (см., например, интерпретацию в [M1] статьи [C1]⁷) его сравнивали с трикстером, нарушающим правила, выдуманные взрослыми, типа Питера Пэна, но нет: трикстер не замечает правил, а Карлсон имеющимися правилами пользуется, но все время оборачивает их в свою пользу. Это не трикстер, а богатырь, о чем говорит и его пухлость, и указание на полный расцвет сил.

1.5. Учитывая, что Карлсон вообразил себе друга-ребенка, а не взрослого, не животного, не воображаемую любовницу или подчиненного, а также учитывая стиль его общения с Малышом, можно поставить ему диагноз. А можно и не ставить, впрочем, воздержимся.

1.6. В книге есть и сцены, в которых Карлсон не участвует. Очевидно, что если это воображаемые герои, как, надеюсь, дошло уже до самого тупого читателя, то действуют они в воображении Карлсона. А раз они действуют в воображении Карлсона, то те реалии, с которыми они имеют дело (например, телевидение, шведские деньги, идея семьи, привидения, жулики, Вазастан и т.д.), содержатся в реальности Карлсона, по крайней мере, он имеет о них представление. Кроме того, воображаемые им персонажи ведут себя так, как вели бы себя, по его представлениям, реальные личности. То есть, скорее всего, в пределах нормы. Той нормы, которая привычна Карлсону. Вряд ли он бы смог вообразить какие-то конвенциональные вещи, о которых до этого не знал. Скорее он, как некий Голлум, помнит что-то из детства или видит что-то сквозь мутную толщу реальности. Сцены с персонажами без участия Карлсона говорят о его жизни в реальном мире больше, чем сцены с его участием (а они говорят нам скорее о его мироощущении и о том, как он видит себя в этом опасном и яростном мире).

1.7. Например, мы видим, что в мире Карлсона нормально иметь семью, состоящую из троих детей, мамы и папы. Нормально, что мама шлепает ребенка: хотя он богатырь, не знающий поражений, маме он позволяет себя шлепать. Про родителей Малыша Карлсон не говорит, что они выдумка. По всей видимости, семья для него – это базовая ценность.

1.8. Вообще, видимо, мать для Карлсона – один из главных персонажей. Ей он, в отличие от остальных, в целом повинует. Даже один из тех немногих фактов, которые он сообщает о себе – это существование бабушки, а ведь бабушка – это мама в квадрате, или даже два в степени мама, что в случае мамы, равной двум, одно и то же. Малышу скупой на похвалу Карлсон говорит: «У тебя не мама, а золото». В исповедовании культа матери он схож с уголовниками, кстати, так же, как в своем асоциальном поведении – он живет на крыше, один, стреляет из пистолета, ворует деньги, кидает из окна мусор и так далее. С другой стороны, и в книге Карлсона неоднократно принимают за ребенка – это дает повод сравнить криминальное сознание с детским.

1.9. Заметим также, что Карлсон никогда не показан в одиночестве. В одиночестве показан только Малыш, причем неоднократно. Возможно, одиночество – это вообще главное свойство Малыша. Поэтому никакой бабушки у Карлсона, скорее всего, уже нет, и троих детей у него тоже нет, и свое одиночество он вытесняет в одиночество Малыша. Этот пункт может помочь с определением диагноза из п. 1.5.

⁷ [C1] Смирнов Л. Малыш и Карлсон, который живет на крыше // Театр. 1972. №7.

1.10. Теперь, после всех этих подготовительных сведений, можно в общих чертах дать интерпретацию сюжета «Карлсона». От книги к книге его воображаемая вселенная расширяется. Сначала он создает себе воображаемого друга, или *тульпу* – Малыша. Разведение тульп – довольно распространенное занятие. Например, в сообществе тульповодов на reddit⁸ в момент написания этого трактата насчитывалось 32 303 тульповода⁹. Далее Карлсон по всей теории тульповодства дает Малышу свободу воли, то есть свободу воображения, и помогает ему вообразить – школу и семью. Однако просто так «вообразить» у него не получается, поэтому сначала он создает Кристера и Гуниллу, знакомится с ними, и только потом знакомится с братом, сестрой, мамой и папой Малыша. Обратите внимание, что мир Карлсона заполняется по экспоненте: сначала один воображаемый друг, потом два, потом еще четыре. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить теории, например, Мальтуса. Карлсон – стихийный мальтузианец! Все вместе эти семеро друзей заполняют его ближний, внутренний круг. Не случайны также аналогии одновременно и с Большим Взрывом, и с семьей днями творения. Так заканчивается первая книга. Уже в ней Карлсон задумывается о том, чтобы заполнить персонажами дальний круг, приглашая на представление ребят со двора. Но все эти ребята еще безымянны, кроме мальчика по имени Кирре – олицетворения жадности, и представляют собой заготовки человек. Географически ближний круг располагается в квартире Малыша¹⁰; это пространство не совпадает с собственным домиком Карлсона (назовем самого Карлсона представителем нулевого круга, а его географической локацией – домик на крыше). Жуликов Филле и Рулле, которых Карлсон пугает в первой книге, мы тут не считаем, потому что *сами они* Карлсона пока не видели. Воображаемыми друзьями могут быть только те, кому ты открылся, а как дружить с тем, кто тебя даже не видел в лицо? Мало ли что у Карлсона в голове помимо тульп. Может, это настоящие жулики, а может, тоже выдуманные, это пока что неизвестно.

По-настоящему Карлсон начинает заполнять дальний круг во второй книге, воображая себе фрекен Хильдур Бок. С одной стороны, она не совсем чужая, поскольку мы видим ее только в доме Малыша, но, с другой стороны, она уже представляет собой внешний мир. Пока это только ростки внешнего мира, но они прорастают, когда Карлсону приходит в голову теоретическая идея того, что можно попасть в Большой мир – когда он воображает мечту фрекен Бок попасть в телевизор. Сначала он сопротивляется и интерпретирует это комически, но потом понимает, что только домом и его крышей вселенная не ограничивается. После этого Карлсон упоминает, что летал к сестре фрекен Бок в Фрейгатен. Все происходит постепенно. Ползучая социализация.

Однако по-настоящему внешний мир вторгается в ближний круг только с приходом господина Пёка, собственно, представляющего собой телевидение; и мир, каким Карлсон его знал, начинает рушиться, когда семья Малыша включает телевизор, в котором показывают фрекен Бок. Телеящик оказывается в данном случае, как и почти во всех случаях, ящиком Пандоры. Это начало конца света и одновременно конец второй книги.

В третьей книге Карлсон уже не способен удержать созданный им мир в рамках своего сознания. Мир вторгается в ближний круг Карлсона, о чем предупреждал папа Малыша еще в первой книге. Уже в самом начале третьей книги газета (еще одно СМИ!) пишет о розыске Карлсона, а в конце находит и печатает его портрет, тем самым заполняя внешний мир до конца. Потенциально количество воображаемых персонажей сравнивается с количеством жителей реального мира.

Так всегда бывает, когда начинаешь выдумывать мир – сначала кажется, что ты полностью управляешь им (легче всего Карлсон может навязать свою волю Малышу,

⁸ <https://www.reddit.com/r/Tulpas/>

⁹ А на момент редактирования, примерно через четыре месяца, уже 34 102 тульповода.

¹⁰ Интересный вопрос: если Малыш воображаемый, то воображаема ли его квартира? Строго говоря, *квартира Малыша* – пространство, где живет воображаемый друг. Как продукт творения она может быть так же реальна, как Нарния, а может быть так же реальна, как электричка из Москвы в Петушки.

потом Кристеру и Гунилле, потом членам семьи Малыша и далее in the order of appearance), но потом мир выходит из-под контроля, приходится устраивать символический потоп. Непосредственно после того, как Карлсон узнает о том, что газета обещает за него десять тысяч крон, он забывает выключить кран на кухне, и всю квартиру заливают. Но уже поздно. Персонажи перестают слушаться Карлсона, у них начинает проявляться собственная воля – в частности, появляется дядя Юлиус, который впервые иногда по-настоящему, всерьез, может победить Карлсона, не давая ему попасть в комнату, где он (д. Юлиус) интимно уединяется с Фрекен Бок.

Воображаемые друзья Карлсона, демиурга и одновременно богатыря в самом расцвете сил, приступают к строительству своей вавилонской башни. Но Карлсон слишком добр, или слаб, или ленив, или все вместе, чтоб по-настоящему уничтожить мир.

В итоге, объединив, наконец, внешнюю реальность и воображаемый мир, Карлсон перестает видеть между ними разницу, излечивается и избавляется от дуальности в своем сознании. Малыш (тульпа Карлсона, обретшая собственное сознание) до самого конца беспокоится о том, что Карлсона найдут (не желая терять свою эксклюзивность), но просветленный Карлсон в последней сцене стреляет из пистолета и поет свою песенку.

1.11. В качестве послесловия осталось рассказать о вскользь упомянутых ранее интересных персонажах – воришках Филле и Рулле, а также сестре Хильдур Бок по имени Фрида Бок.

Можно подумать, что воришки Филле и Рулле это наивные незадачливые бандитики, но нет, они далеко не так просты. Они появляются уже в первой части трилогии, Карлсон их пугает, но они видят не его, а мару, иллюзию, как любые непросветленные личности. Карлсон все время предстает перед ними некой сущностью без лица, как будто в кошмаре. Уместно вспомнить, что библейский бог тоже никому не открывает своего лица, и мы можем только догадываться, что у него такие же образ и подобие, как у созданных им людей. Филле и Рулле, желая познать истину, не могут ухватить ее за пропеллер, и даже снаряжают в третьей книге специальную экспедицию по его (Карлсона) (читай «ее (истины)») поискам и поимке. Но они ничего не делают для того, чтобы обрести просветление. В итоге с помощью дяди Юлиуса они все-таки причащаются Карлсона, но приносит ли это им какую-нибудь радость? Нет, это не приносит им совершенно никакой радости, они убегают в ужасе, узрев лик Бога. Это все из-за ограниченности. Это бракованные первые люди, которых вообразил Карлсон, скорее всего, даже раньше Малыша, неудачные творения, обреченные на вечные скитания. Как гномы, созданные Ауле, они появились преждевременно и теперь как бы вне времени.

Фрида Бок так же сложна. Это персонаж, олицетворяющий бесконечность или бездонные глубины бессознательного. Мы ни разу не видим ее, не слышим ее, не осязаем. Один раз Карлсон хвастается, что видел ее, но его словам мало веры. Все, что мы знаем о Фриде, мы знаем от ее сестры Хильдур Бок. Неизвестно, есть ли вообще такая Фрида. Если есть, то это самый таинственный персонаж книги. Фрида – это область непознанного, того, о чем мы можем только догадываться, мир, лежащий даже за пределами внешнего мира. Можно сказать, что Фрида Бок вне пространства. Если бы четвертая книга о Карлсоне существовала не только в Вавилонской библиотеке, она бы описывала взаимоотношения Карлсона с Фридой Бок (и перволюдьми Филле и Рулле, все вместе они обозначают выход за пределы нашего обычного мира).

1.12. Это все хорошо и даже, положив руку на сердце, грандиозно, но возникают все новые вопросы. Если понятно, к чему Карлсон пришел в конце, то откуда он взялся? Если процесс разрастания мира закономерно приходит к катастрофе, то почему о Карлсоне ничего не было слышно до тех пор, пока Малышу не исполнилось семь лет? Вопросы, вопросы, кругом одни вопросы.

2.1. И даже так. Миллионы воображаемых друзей, не слишком ли это сложно? Не нарушает ли это принципа Оккама, когда сущности множатся без необходимости? Может быть, не отказываясь от воображаемости Малыша, подойти к этому делу с другой стороны? От множества сущностей все равно не уйти, но если этими сущностями станут не воображаемые друзья Карлсона, а, переходя на следующий уровень абстракции, отношения творения? Ну, то есть если Малыш на самом деле воображаемый друг не только Карлсона, но и всех остальных, некоторые из каковых всех не воображаемые, а самые настоящие. А некоторые, например, Кристер и Гунилла, все равно воображаемые.

Это вроде бы не сложно. Чего тут сложного? Малыш – воображение не только Карлсона, но и семьи Малыша, фрекен Бок, Кристера и Гуниллы¹¹, дяди Юлиуса. А загадочные Филле и Рулле не видят Малыша до самого финала, вечные скептики, но потом знакомятся с ним и они. Но если по порядку:

Сначала мы видим, как Карлсон знакомится с воображаемым другом. Технически для этого необходима подходящая комната, пустующая большую часть дня, где можно с ним тусоваться. В книге рассказывается, что в то же самое время, но параллельно, с Малышом тусуются Кристер и Гунилла. Если Кристер и Гунилла тоже выдуманы Карлсоном, то об этом выше уже написано, тут ничего не меняется. Если же они настоящие – дети семи лет, то они легко могли придумать себе игру, в которой существует воображаемый друг, и это даже не патология. Но все же им неуютно, что они придумали себе Малыша, а никто в него больше не верит. И тогда они со свойственной детям жестокостью принуждают Малыша вообразить себе Карлсона, чтобы у того тоже был воображаемый друг, потому что друг воображаемый создан по образу и подобию друга воображающего, а у того воображаемый друг есть. Тогда Кристеру и Гунилле не будет так одиноко в своем тайном, как они подозревают, пороке. И они заставляют Малыша хвастаться тем, что у него есть воображаемый друг. Это же только естественно. Что может быть естественней? У каждого воображаемого друга должен быть свой воображаемый друг.

И вот Кристер и Гунилла приходят домой к Малышу, в ту же квартиру, что облюбовал Карлсон (судя по тому, что истинные обитатели квартиры – родители Малыша – относятся к этому спокойно, это не совсем посторонние для них дети – это объяснится в пункте 2.3), и что же они видят? Вообразите их удивление: они видят реального Карлсона! Который тоже видит Малыша. Дети понимают, что это уже не игра, что Малыш уже немного как бы и существует. И они ведут себя так, будто он существует, в частности, вместе с Карлсоном выгоняют Филле и Рулле, которые пришли их грабить, и существование Малыша замещает их стресс от встречи с бандитами.

2.2. При этом, даже не знаю, стоит ли об этом говорить в силу очевидности, Малыш, о котором договаривались Кристер и Гунилла, не обязательно совпадает с Малышом, которого видит Карлсон. У них у всех есть обобщенный конвенциональный образ Малыша: ему семь лет, у него голубые глаза, он мечтает о собаке и т.д. Но сравнить своих Малышей они, разумеется, не могут, что, кстати, вскользь иллюстрирует принципиальную непередаваемость личного перцептивного опыта. И не могли бы, будь даже Малыш реален. Вместо Малыша мог быть и какой-то субститут, искусно сработанная кукла, например, или гаечный ключ, или банка супа Campbell's, или диктофон, или кресло-качалка, или тефтелька, или башня из кубиков, или танк, или все предметы сразу – в зависимости от силы воображения *реальных* персонажей повести. Но все-таки тульпа чаще всего – чисто психическое явление, костыли и подпорки лучше оставить фильмам ужасов, зрители которых не отличаются воображением и требуют обязательного видеоряда.

2.3. Далее родители, Боссе и Бетан. Они тоже все вместе воображают Малыша – непонятно, по каким причинам, например, отец является тираном и заставляет всех верить

¹¹ Если они вдруг НЕ воображаемые.

в Малыша, потому что мать отказывается зачинать третьего ребенка. Отец тоскует и придумывает себе еще одного мальчика. Что ж, пусть так, решает мать, и они вместе с отцом давят на детей, чтобы те верили, что у них есть младший братик. Верят или нет, неизвестно, но в любом случае поддакивают отцу, не решаясь протестовать против родительской власти. Возможно, они с самого начала сознательной жизни слышат про Малыша и не могут себе представить жизнь без него, о чем, собственно, и мечтал отец, заводя воображаемого сына. Но из-за этого сына у всей семьи возникают психологические проблемы. Папа постоянно на работе, у мамы головные боли и переутомление (ей даже приходится ездить лечиться), у Бетан постоянные неудачи с мальчиками и частая смена партнеров, Боссе плохо учится.

Отец выделяет Малышу отдельную комнату и заводит ему друзей – пресловутых Кристера и Гуниллу, опять будем считать, что они настоящие. Что объясняет, почему у них есть постоянный доступ в квартиру. Возможно, у них даже есть свои ключи, у каждого свой или один на двоих. У Малыша имеется на кухне собственный стул, ему всегда выделяют место и раздают на него тефтельки и пончики. Правда, у него плохой аппетит. Сторонний наблюдатель удивился бы, зайдя после обеда на кухню и видя маму, которая то плачет, то смеется, то поет песенки – и обязательно ест тефтельки. Просто сторонний наблюдатель не знал бы, что она говорит с воображаемым Малышом и доедает за ним. От всего этого она ужасно растолстела, и это уже не та мама, в которую когда-то влюбился папа. Может быть, папе уже и не нужен от нее третий ребенок, и ситуация из временной превратилась в постоянную. Да и мама, если раньше была согласна на третьего ребенка, когда-нибудь, теоретически, то теперь у нее уже есть трое, а на четвертого она никогда и не была согласна категорически. А время идет, а часики тикают, и больше детей у них не будет. Ситуация аллегорически¹² показывает вред от нетерпеливости, помноженной на деспотию: выигрывая в малом, проиграешь в большом. Отец, как и деспот Эпира Пирр – показательные примеры людей, которые ни за что, никогда в жизни не прошли бы маршмеллоу-теста.

Семья часто слышит звуки в пустой комнате, когда там нет Кристера и Гуниллы, а заходя туда, видит разбросанную одежду и игрушки. Отчасти это убеждает всех в существовании Малыша, а папу так даже несколько воодушевляет. На самом деле, очевидно, там шалит Карлсон со своим воображаемым другом, но семья этого не знает.

Конечно, папа кое-что подозревает. Он боится признаться себе, что, возможно, нет никакого Малыша, а беспорядок в комнате объясняется какими-то другими, естественными, причинами. Именно поэтому семейство никак не может познакомиться с Карлсоном. Хрупкая мечта может разбиться вдребезги. И что тогда останется у папы?

Сложно сказать, что происходит в его голове, когда в конце первой книги они все-таки знакомятся с Карлсоном. Может быть, увидев чужое безумие (т.е. безумие Карлсона), он прозрел и ужаснулся своему – в таком случае это очень сильный человек, раз он потом поддерживал игру, зная, что это ложь, и даже нанял фрекен Бок. Может быть, он, наоборот, окончательно сошел с ума. Может быть, он начал пить. Может быть, ударился в спорт (маловероятно) или творчество, или нашел утешение в домино. Мы крайне мало о нем знаем, знаем только, что он стал куда-то ездить в командировки. Может быть, у него, как у Кристера, Гуниллы и, наверно, всех остальных, наконец пропали сомнения в существовании Малыша, отчего тот еще немного овеществился. Кто знает? Во всяком случае, благодаря остаткам здравомыслия, инстинктам или вновь обретенной истине сразу после встречи с Карлсоном (на самом деле – с Малышом) он просит всю семью никому о нем (Карлсоне, на самом деле – Малыше) не рассказывать. Папа решает держаться до последнего: теперь, когда вся семья знает о существовании неучтенного ребенка, могут пойти разговоры, дойти до компетентных органов, по документам у них всего двое детей, будут проверки, и в зависимости от того, существует Малыш или нет, папу упекут в

¹² Возможно, тут стоит упомянуть, что у Астрид Линдгрэн тоже было только двое детей.

тюрьму или сумасшедший дом. В любом случае это выход из зоны комфорта – не то что выход из зоны комфорта, а разрушение всего его мира. Папа все это понимает, и потому в попытках сохранения мира призывает семью не рассказывать никому о существовании Карлсона/Малыша. Дьявольски изощренный план, что и говорить – но больше ничего тут придумать, кажется, было нельзя.

На этом заканчивается первый том книги о том, как семья старается сохранить своего воображаемого сына и брата. Карлсон здесь – связующее звено, крупница, с которой начинается процесс кристаллизации Малыша. Процесс запущен, и процесс этот должен завершиться смертью воображаемого героя. Столкновение с реальностью возможно выдержать, когда ты реален или нереален, но нельзя выдержать, когда ты реален, но *по-другому*, наполовину реален. Увы, слишком поздно. Машина заведена, ревет и движется на всех парах к пропасти. Просвещенный читатель¹³ на этом месте может вспомнить кинофильм «Полено» Яна Шванкмайера – там воображаемый друг тоже овеществился и руинировал жизнь придумавшей его родительницы, правда, иным способом: он ее просто-напросто съел. Малыш не такой брутальный, но тоже голем, конечно.

2.4. Во втором томе саги о Свенсонах появляется фрекен Бок. Очевидно, найм фрекен Бок – уступка жене, которая, наконец, приняла существование Малыша и, следовательно, в полной мере приняла жизнь многодетной семьи. Когда детей было трое, но при этом один несколько призрачный, жизнь была легка, потому что усилий в быту прикладывалось как для пятерых, а сопротивление среды было как от четверых. С истинным появлением Малыша сопротивление среды возросло. Поэтому жизнь семьи стала тяжелее, им понадобилась домоправительница.

Фрекен Бок, конечно, сначала не верила в существование Малыша. Например, оставшись с ним в первый раз дома одна, она готовит плюшки только для себя, что свидетельствовало бы о безусловной профнепригодности ее как домработницы, если бы ребенок существовал. Но, конечно, никто бы ее не уволил. Скорее всего, ей еще и доплачивали, чтоб помалкивала¹⁴.

Постепенно и закономерно с ней происходит все то же, что и с остальной семьей. Домработницы, няни, дворецкие, лакеи – группа риска при ментальных заболеваниях семьи, которую они обслуживают. Исчезновение плюшек, странные звуки в комнате, привидения – все это заставляет фрекен Бок поверить, что *тут что-то или кто-то есть*. Она верит в Малыша, но как в привидение. Трансформация фрекен Бок остроумно показана в одной из сцен. Сначала фрекен Бок запирает Малыша в комнате (на самом деле, как мы *теперь* понимаем, запирает пустую комнату). Потом она входит в эту пустую комнату, которая пуста уже во всех смыслах (даже воображаемого Малыша там в это время нет). И в этой пустой комнате она ищет Малыша, потому что постоянно слышит тут звуки. Пока она его ищет, Малыш в комнате и оказывается. Его принес Карлсон. Разумеется, эту сцену следует толковать не только буквально, но и иносказательно, как иллюстрацию изменений в сознании фрекен Бок. Совмещение двух пластов реальности показано здесь блистательно, один из лучших примеров подобного рода в мировой литературе, если понимать, о чем идет речь.

Как сказано по похожему поводу, *first there is a mountain, then there is no mountain, then there is*.

В итоге фрекен Бок знакомится с Карлсоном, и выясняется, что никакого привидения нет, а есть только, как она считает, сорванец с моторчиком. Вообразите себе ее удивление и опасение за собственный рассудок, когда выясняется, что сорванец, о

¹³ Может быть, этот читатель – ты, читатель!

¹⁴ На этом месте читатель из предыдущей сноски вспомнил бы телесериал 2019 года «Дом с прислужкой» М. Найта Шьямалана, в котором семья нанимает няню для воображаемого ребенка, которого заменяет кукла. Я произвел собственный research – и понял, что сюжет довольно распространен. Например, имеется кинофильм 2015 года «Кукла» режиссера У.Б. Белла с точно таким же сетяпом. Что ж! Распространенность сюжета только подтверждает его правдоподобие, это всем известно.

котором ее предупреждал папа Малыша, существует на самом деле! Только он не говорил, что у него есть моторчик. Но это ничего. Это ничего.

Получается, что фрекен Бок сначала принимает Карлсона за Малыша. От расстройства и от потрясений она то ли на самом деле сходит с ума, то ли делает очередной шаг к просветлению, и для сведущего человека сцена с приходом телевизионного человека по фамилии Пёк – это чистое безумие. Господин Пёк, как известно, отведал ее соуса, пригласил выступать на телевидение и ушел. Но фрекен Бок всё восприняла не так. Она так охвачена радостью, что попадет в телевизор (или погружается еще глубже в пучину безумия), что даже не замечает его ухода, и субъективно для нее господин Пёк все еще остается на кухне. И когда Карлсон входит в комнату и говорит «Гордая юная девица входит в парадный зал», а господин Пёк принимает его за девочку – то никакого господина Пёка на кухне нет, и это не господин Пёк, а другая часть личности фрекен Бок или ее подсознание принимает его за девочку. Место господина Пёка занимает другая часть личности госпожи Бок. Не случайно имена Бок и Пёк очень похожи, не думайте же вы, что эту книгу дураки писали. И всю дальнейшую сцену фрекен Бок говорит сама с собой. Одна часть личности считает Карлсона милой девочкой, а другая – гадким сорванцом. При этом характерно, что обе ощущают Малыша, но почти не реагируют на него, потому что Малыш – все еще всего лишь тень человека, а тени положено знать свое (скромное) место.

Но даже осознавая Малыша как тень, будучи в душной атмосфере дурдома, где все говорят о каком-то Малыше, а Малыш совсем не такой, как о нем все говорят (например, он с моторчиком и толстый, а не с голубыми глазами и худой), фрекен Бок тоже постепенно овеществляет его и тем самым приближает его конец.

2.5. В самом начале третьего тома в газетах объявляется награда за сведения о человечке с моторчиком. Но нет, это не Карлсон, как пытается нам сказать автор. Мы уже поняли, что эта книга хитрее, чем кажется. В газетах объявляется награда за сведения о Малыше. Безумие! Безумие, как черный дым, распространяется из дома Свенсонов, безумие проникает во все уголки Стокгольма. Воображаемого друга уже не скрыть – о нем знают, помимо Карлсона и семьи: Кристер и Гунилла, дети со двора, которым Карлсон устраивал представление (олицетворяющие, конечно, *всех* детей в городе), фрекен Бок, телегосподин Пёк (настоящий) и многие другие.

Убедившись, что фрекен Бок сошла с ума, и теперь ей можно доверять, вся семья разъехалась кто куда, оставив ее одну с их воображаемым Малышом. Возможно, они договорились с Карлсоном, чтобы тот уже легально играл его роль, о чем говорит то, что в третьем томе **КАРЛСОН ВПЕРВЫЕ СПИТ В КРОВАТКЕ МАЛЫША**. Символически это означает, что Малыш уже настолько овеществился, что почти реален.

Настоящей проверкой на реальность Малыша является приезд дяди Юлиуса. Дядя Юлиус является родственником папы, регулярно гостящим в его доме, и, естественно, в курсе его психологических проблем. Но он знает призрачного Малыша, а что будет, когда Малыш почти настоящий?

Приехав, дядя Юлиус, как и все, погружается в пучину безумия, он совсем не удивляется наличию Малыша, но удивлен тому, что домоправительница как будто и в самом деле его видит. Но ему нравится фрекен Бок. Дядя Юлиус, видимо, очень хороший человек, какими часто бывают конченные брюзги, он не хочет ее огорчать. Однако атмосфера дома давит и на него, и он начинает верить в мир троллей¹⁵ (Ну, как верить:

¹⁵ Как известно, слово «тролль» в этой книге, как и во многих переводах со шведского, употреблено неправильно. Тролль – это не тупое огромное существо, сидящее под мостом с дубиной. Это в принципе любое сверхъестественное существо, часто не видимое человеческому глазу, примерно как фэйри. Например, в словаре Ушакова (внезапно!) почти правильно:

ТРОЛЛЬ, я, м. [швед. troll]. В скандинавской мифологии сверхъестественное существо (великан, карлик, волшебник, ведьма).

Или в известном Online Etymology Dictionary (<https://www.etymonline.com/word/troll>) (приведу словарную статью почти полностью, она очень интересна):

только на словах, конечно. Если вы влюблены в женщину, вернее, она вам очень нравится, и вы раздумываете, не влюбиться ли в нее, а она вдруг видит духов – естественно, вы будете задаваться, не всерьез, а так, чтобы навести, так сказать, мосты к девушке, подбить к ней клинья – не существует ли мира, доступного особо чутким душам, воспринимающим тончайшие вибрации и пр.).

Но разгадка одна.

Но разгадка одна.

В третьем томе автор книги, реализуя свой преступный художественный замысел превращения Малыша из воображаемого в реального, постепенно меняет местами его и Карлсона. Так, когда Карлсон под зонтиком пролетает мимо окна дяди Юлиуса, пугая его и фрекен Бок, а Малыш сидит в своей комнате, на самом деле это Малыш под зонтиком пролетает мимо окна дяди Юлиуса, а Карлсон сидит в его комнате. Малыш воображаем, пролететь под зонтиком воображаемым личностям ничего не стоит, его видела фрекен Бок, а дядя Юлиус из любви к ней лишь подыграл.

Именно то, что фрекен Бок так испугалась, и обеспокоило дядю Юлиуса и всколыхнуло в нем любовь к ней. Бывают такие люди, для которых любовь возможна только в сопряжении с жалостью. Именно теперь дядя Юлиус окончательно решил для себя увезти фрекен Бок в Вестергетланд, подальше от безумной квартиры, в надежде когда-нибудь ее (ф. Бок) излечить.

Что же Малыш? Карлсон посещает газету и рассказывает о себе всю правду, но, как мы помним, Карлсон уже не Карлсон, а Малыш, и потому это именно Малыш, а не Карлсон, рассказывает о себе всю правду. «Моя мамочка – мумия, а отец – гном», – говорит Малыш о себе¹⁶. Естественно, это говорит не Карлсон. Только у воображаемого персонажа мамочка может быть мумией, а отец гномом. Никто не мешал Карлсону (пока он еще не стал Малышом) придумать Малышу (пока он еще не стал Карлсоном) каких угодно родителей.

Этим визитом завершается процесс овеществления Малыша, и, в общем, книга тоже завершается. Дядя Юлиус с фрекен Бок уезжают, вверив сумасшедшую семейку своей судьбе. Место Малыша в семье теперь естественно и плавно занимает Карлсон. А Малыш в последней сцене стреляет из пистолета и поет свою песенку.

2.6. Немного зловеще выглядит тот факт, что о свершившейся трансформации еще не знают ни папа, ни мама, никто, кроме фрекен Бок и дяди Юлиуса. Возможно, это намекает нам на нечто ужасное, на то, что никто из них этого не пережил.

2.7. Это все хорошо, и похоже на правду, но опять НЕ ВСЯ ПРАВДА. Остается несколько вопросов. Почему дядя Юлиус, приехав, стал сразу расспрашивать Малыша о школе, как реального мальчика, а не привидение, еще не успев осознать, что фрекен Бок сошла с ума? Получается, он-таки тоже *видел* воображаемого друга? Ему ведь еще не надо было никому нравиться. Просто поставим себя на место дяди Юлиуса. Он приехал пожить

*supernatural being in Scandinavian mythology and folklore, 1610s (with an isolated use mid-14c.), from Old Norse troll "giant being not of the human race, evil spirit, monster." Some speculate that it originally meant "creature that walks clumsily," and derives from Proto-Germanic *truzlan. But it seems to have been a general supernatural word, such as Swedish trolla "to charm, bewitch;" Old Norse trolldomr "witchcraft."*

The old sagas tell of the troll-bull, a supernatural being in the form of a bull, as well as boar-trolls. There were troll-maidens, troll-wives, and troll-women; the trollman, a magician or wizard, and the troll-drum, used in Lappish magic rites. The word was popularized in literary English by 19c. antiquarians, but it has been current in the Shetlands and Orkneys since Viking times. The first record of the word in modern English is from a court document from the Shetlands, regarding a certain Catherine, who, among other things, was accused of "airt and pairt of witchcraft and sorcerie, in hanting and seeing the Trollis ryse out of the kyrk yeard of Hildiswick."

Originally conceived as a race of malevolent giants, they have suffered the same fate as the Celtic Danann and by 19c. were regarded by peasants in Denmark and Sweden as dwarfs and imps supposed to live in caves or under the ground.

Таким образом, мир троллей – это мир сверхъестественных существ вообще.

¹⁶ Вспомните сравнение Филле и Рулле с гномами Ауле.

у своего родственника Свантесона, пока всей его семьи не будет дома. Естественно, он рассчитывает, что и призрачного Малыша они заберут с собой. Малыша они не забирают, но это ладно, дядя Юлиус хорошо знает, что его не существует. Но тут с Малышом остается домоправительница фрекен Бок. Это немного нарушает планы дяди Юлиуса, но ничего, потерпеть можно, тем более что домоправительница внешне ему сразу нравится. Но дальше, что ему делать дальше? Заговаривать с Малышом – сразу представлять себя в ее глазах сумасшедшим. Нужно это дяде Юлиусу? Наверно, нет. Может быть, он сам сошел с ума? Маловероятно. В этом случае дядя Юлиус обязательно рассказывал бы кому-нибудь о Малыше, и жизнь семьи Свантесонов давно бы уже разрушилась, чего так опасался папа еще в п. 2.3.

Кроме того, уже упоминалось, что дядя Юлиус единственный, кто может дать отпор Карлсону; это объяснялось тем, что Карлсон, дескать, создал целый мир, с которым уже не может справиться, и дядя Юлиус всего лишь олицетворял его слабость (т.е. силу нового мира). Однако с тех пор мы уже отказались от версии, что Карлсон создал целый мир. Теперь мы считаем, что Малыша создал не только Карлсон, но и остальной мир. Так что теперь снова непонятно. Вопросы, вопросы, проклятые вопросы.

3

3.1. Правда, как это обычно бывает, тяжела и ужасна. А книга содержит не три, а четыре дна.

3.2. Я помню это как позавчера. Вернулся из Виттенберга окрыленный, с отличными оценками по всем предметам. Дверь мне открыла мать, ее отчего-то обнимал Сванте. А где папа, спросил я, и они изменились в лице, разве ты не знаешь, что папа умер? Как это умер? От горячки. От какой горячки? Змея укусила. Нет, из окна выпал, сказал Сванте. Да, точно, из окна, сказала мама. А потом змея, сказал Сванте. Да, сказала мама, потом змея. Откуда мне это знать, меня же не было целый семестр. Мне никто не сообщал. В общем, папа умер, а я тебе писала, сказала мама. Как это умер, сказал я, когда. Нет, я ничего не получал. Да это и не так давно было. Когда, сказал я, как это умер. Да месяца два тому. Как это умер, сказал я. А я думала, ты так занят учебой, сессия, не можешь приехать, удивлялась, чего это не пишешь. Как это умер, сказал я. Может быть, письмо не дошло? Извини. Как это умер, сказал я. Это все от того, что почтальонам у нас так мало платят, вот они и пренебрегают своими обязанностями. Как это умер, сказал я. Ну так, умер, умер, торжественно заговорил вдруг Сванте, что теперь делать, раз умер, у всех отцы умирают, у него тоже отец умер, у того отца тоже умер отец, и у того отца умер отец, и обязанность сына какое-то время проявлять угодливую печаль; но погружаться в нескончаемый траур – путь в нечестивость; это не по-мужски: показывает недостаток веры, слабость духа, нетерпеливость ума, и разум самый простой и неразвитый. Ведь так и должно быть, это же обыкновенное дело, отчего же так остро принимать это к сердцу? Ффф! Это грех перед небом, грех перед покойным, грех перед природой, грех перед здравым смыслом, который понимает, что, ну, у каждого отцы умирают, у меня вон тоже умер. Утри слезы. Ведь два месяца прошло! Пора сказать себе: «так и должно быть». Вот как ты заговорил! сказал я Сванте. А кстати, что ты здесь делаешь? В общем, папа умер, и Сванте меня так утешал, вот и вышло, что он теперь мой муж, сказала мама. Извини. Как твой муж? Ведь это я должен был быть твоим мужем, ты же мне обещала. Тебя же не было почти год, сказала мама. И ты был совсем малышом. Вот этот малыш, мой младший братик Сванте, он теперь твой муж, я никак не мог поверить. Ну да, чего тут такого, спросил Сванте. Ты же на полгода младше меня. Я помню, как тебе исполнялось восемь лет, и ты задувал свечки, такой был пухленький маленький карапуз, мечтал о щенке, и мы с Кристером и Гуниллой нашли тебе щенка, неужели не помнишь этого? Ну и что, что было. А теперь я твой папа, получается. Тебе рано было щенка, ты помнишь, что ты потом с ним сделал? Ты помнишь? Ну помню, помню. Извини, сказала мама. Малыш, малыш,

мама, мама, все повторял я. Кто старое помянет, тому глаз вон, сказал Сванте. Еще новостей нет каких-нибудь, таких же интересных, спросил я. Да нет... нет, сказала мама. А чего у тебя живот, спросил я. Ах, это, сказала мама, но это же еще не новость. Вот будет новость, тогда сообщу. А как зовут эту новость, спросил я. Если будет мальчик, то Боссе, сказала мама, а если девочка, то Бетан. Это от кого, спросил я. От папы? Ну конечно, от папы, от кого же еще, сказала мама. Вот еще новость: Гунилла собирается замуж, сказал Сванте. Замуж? Впрочем, ладно. Извини, сказала мама. Ну ладно, ему надо переварить новости, сказал Сванте, покажи ему его комнату, пусть отдохнет. Да как обычно, чего там показывать, будет жить в своей старой комнате, сказала мама. Там же теперь мой кабинет, сказал Сванте. Ах да, точно. Может, пускай в гостиной спит, на диване, сказал Сванте. Нет, сказала мама, подумав. Пускай поживет в своей комнате пока, а ты будешь работать в детской, пока не родились Боссе или Бетан. Ну ладно, сказал Сванте. Хороший план. Только кровать пока отнесем в его комнату. Извини, сказала мама. Как это умер, сказал я. Ну умер, что ж теперь поделаешь, сказал Сванте. Заткнись, малыш, сказал я. Извини, сказала мама.

3.3. Я помню это как вчера. Раздался звонок в дверь. Сванте открыл, вошла Гунилла. На ней были красивые бусы. Привет, Сванте, сказала Гунилла, и мне тоже сказала привет. Осторожнее, помой руки, разуйся здесь, сказал Сванте. Привет, привет, не виделись сто лет, сказал я Гунилле. На две недели раньше срока, сказал Сванте. Очень тяжелые роды, не утомляй ее. Конечно, конечно, сказала Гунилла. Гунилла! Как я рада тебя видеть, сказала мама. И я вас тоже, фру Плунт... Свантесон. Они со Сванте засмеялась, а мама устало улыбнулась. Поздравляю вас, фру Свантесон! Ура! Покажите же мне ребеночка. Ах, как похож на Сванте, просто удивительно. Действительно, очень удивительно, сказал я, ты же мне говорила, что он от папы. Не надо ее утомлять, ради бога, закричал Сванте. Выйди из комнаты! Сам выйди, малыш, закричал я. Выйди, пожалуйста, правда, сказала Гунилла, и я вышел, крикнул в двери «Малыш!» и хлопнул ею. Взял книжку почитать, но снова кто-то пришел, и Сванте с Гуниллой помчались открывать. Это оказался Кристер, он сказал привет, Сванте, привет, Гунилла, и мне тоже сказал привет. Осторожнее, руки мыть, в прихожей разуваться, весело сказал Сванте. Привет, Кристер, сказала Гунилла. Привет, сказал я. Ну, покажите мне фру Свантесон, закричал Кристер. Как я рад вас видеть, сказал он маме. И я тебя, Кристер. Поздравляю вас, фру Свантесон! Покажите ребеночка! Ух ты, как на папу похож! Я промолчал, потому что внутрь меня не пустили. Ну что ж, пойдете пить вино по такому случаю, сказал Кристер. Они вышли из комнаты. Посидишь с нами, Йон, спросил меня Кристер. Вы что, ему еще рано, засмеялся Сванте. Это тебе еще рано, малыш, закричал я. Тут меня позвала из родительской комнаты мама. Йон, посиди с мной, Йон, сказала она. Почитай мне книжку, Йон. Меня зовут Йон! И я сидел в комнате и читал ей книжку, не помню, какую, пока Кристер, Гунилла и Сванте пировали на кухне. Потом я пошел в свою комнату и попытался разжечь там на полу костер. Но его довольно быстро потушили. Оставьте меня с Гуниллой, закричал я. Я принесла тебе обратно все твои подарки, сказала Гунилла. Я выхожу замуж. Так ты порядочная девушка, спросил я. Ну, конечно, я порядочная девушка, сказала Гунилла. И красивая? К чему ты клонишь? К тому, что если ты порядочна и красива, то это несовместимо. Разве порядочность не сопутствует красоте? Конечно, сопутствует. И скорей красота погубит порядочность, чем порядочность спасет красоту. Раньше это было парадоксом, а теперь доказано, посмотри на мою маму. Я тебя когда-то любил. Я знаю. А вот и нет. Не любил. Ну что ж, тем обиднее. Ну и иди нахрен. Уйди в монастырь. Стань писательницей. Смени имя, я не говорю про фамилию. Вам, женщинам, нас, мужчин, больше не одурачить. Давай я за тобой запру, чтоб этот придурок Кристер не вломился. Я все же тебя любил. Ну пока, ага, ладно, ну пока-пока. Еще увидимся. Ну ладно, пока.

3.4. Я помню это как сейчас. Ты знаешь, кто я, спросил Сванте. Конечно, знаю, ты фишмонгер. Нет, я не фишмонгер. А я говорю, что фишмонгер. Конечно, нет. А раз нет,

то не мешало бы тебе быть таким же честным. Фишмонгеры честные? Да. Это такая редкость, один из десяти тысяч только честный. А среди фишмонгеров один из ста. Согласен. Согласен. И я согласен. Давай мириться, переставай валять дурака. Есть у тебя дочь? Да, есть. Как ее зовут? Бетан. Я так и знал. Так и знал. А что ты читаешь? А я тут разговариваю с одним малышом. Что за малыш? Ну, такой семилетний малыш, который мечтает о собаке, но еще не знает, что не справится с ее воспитанием, и эту собаку придется выкинуть из окна. А все будут думать, что она сама, собака, выпала из окна. Вот с этим малышом я разговариваю. Ха-ха! Здесь же его нет, малыша. Ну ты просто его не видишь. Хорошо, а что он говорит тебе, этот малыш? Ты не хочешь этого слышать. Нет, хочу. Нет, хочу, нет, не хочешь, нет, хочу. Ладно, ты сам напросился, сейчас мы его и спросим. Да здесь же нет никого. Я сказал ему, что старого Йона Плунта не укусила змея, он умер не от горячки, не выпал из окна. Старого Йона Плунта убил Сванте, чтоб жениться на его матери раньше молодого Йона. Это чудовище, сказал Малыш тонким голосом, он сам змея, змей-искуситель, со своим даром остроумия, вероломным, колдовским даром, будь прокляты такие дары, когда от них такие соблазны, это чудовище совратило маму с пути истинного. Это ты в Виттенберге научился чрево... Не перебивай его, ты же сам просил. Теперь терпи. О, что это было за падение! От отношений с человеком, высоким во всех отношениях, с которым она шла рука об руку с клятвы, данной в церкви в Гетебоге – пасть до интрижки с сущностью во всех отношениях ничтожной, особенно в сравнении со своим мужем... Довольно, сказал Сванте, с меня хватит. Чего ты хочешь? Ты спрашиваешь меня или Малыша? Никакого Малыша не существует! Я существую, сказал Малыш. Он существует, сказал я. И я требую собственную комнату, сказал Малыш. И он требует собственную комнату, сказал я. Да живи с ним вместе, пожалуйста. Но я не могу жить с взрослым в одной комнате. А я не могу жить с ребенком в одной комнате. Ну у нас правда нет больше комнат. Смотри: пока Боссе и Бетан маленькие, ты можешь жить в третьей комнате, они будут вместе, но когда они подрастут... А что с домиком на крыше? Да, Малыш, ты прав, что там с домиком на крыше? С каким домиком на крыше? Ну ты что, малыш, не помнишь, мы с тобой были маленькими, играли на крыше, там был пустой домик... Надо же, Сванте не помнит, а Сванте восьмилетний помнит. А, да, припоминаю, домик на крыше! Вроде он до сих пор продается. Я проверю. Проверю. Но это получается, я все-таки буду жить не с мамой. Но ведь другого выхода нет. Ладно, тогда так. Я готов жить не с вами, я вижу, как я уже вам осточертел. Готов. Но только тогда сделаем вот что. Я вообще уеду в Англию, а потом в Вестергетланд. Я даже сменю имя. Но с одним условием. С каким? Малыш будет жить у вас. Вы его не выгоняете. Вы находите ему каждый год новых семилетних Кристера и Гунилла. Они с ним дружат. Они дарят ему на каждое восьмилетие щенка. Когда проходит положенный срок и щенок умирает, после положенного срока, как это ты говорил? Обязанность хозяина какое-то время проявлять по собаке угодливую печаль; но погружаться в нескончаемый траур – путь в нечестивость. После положенного срока вы дарите Малышу на восьмилетие новую собаку. И мне все время будет то семь, то восемь лет? Да, Малыш, тебе все время будет то семь, то восемь лет. Только я хочу, чтоб собаку мне дарили пораньше, пока не пройдет еще положенный срок. Молчи, мальчик, когда взрослые разговаривают. Так что, по рукам? Мне надо подумать. Йон... Да, что ты хочешь сказать, Малыш? Казалось, она крепость целомудрия, но как истинная добродетель устоит перед любыми чарами разврата, точно так же и похоть, даже будучи на небесах, презреет ангельское ложе и предпочтет помойную яму... Ладно, по рукам. И смотри, я буду приезжать к тебе иногда из своего Вестергетланда, чисто поправить здоровье, посмотреть, все ли в порядке, все ли как мы договорились. Да. Да. Да. Да. Да. Звать меня будут дядя Юлиус. Иногда я буду инкогнито бывать в нашем домике на крыше, я уже приобрел его в аренду на девяносто девять лет. Но не бойся, ты меня никогда не увидишь. Никто из вас меня не увидит. Кроме Малыша, естественно, да, Малыш? У меня есть специальный маленький пропеллер, и мы с тобой будем веселиться. Да? Да. Да. Да. Да. Да. Да. Поклянись

здоровьем матери. Обеих наших матерей. Да. Да. Да. Да. Да. Малыш, ты все слышал. Да, Йон. Не Йон, а дядя Юлиус. Да, дядя Юлиус, я все слышал.

3.5. Я уехал в Вестергетланд, но меня никак не могло отпустить. По большому счету я блефовал. Если Сванте решит не соблюдать наши договоренности, что я мог ему сделать? Но нет. Он был слишком напуган. Я часто бывал в домике на крыше и наблюдал за семейством Свантесонов, а также время от времени я приезжал к Сванте в качестве дяди Юлиуса Янсона, и все было честно. Семейство, конечно, ненавидело меня – все, кроме Малыша. Боссе и Бетан относились к игре в Малыша как к причуде родителей, но в целом не возражали. Все было нормально. Сванте адаптировался, и мне это не нравилось. Мне нужна была его кровь.

С Гуниллой я, конечно, сошелся. Она последовала моему совету и сменила имя на Астрид. У нас родился (внебрачный) сын Карл, и он был ровно то, что нужно – толстый и капризный. Он был мне противен. Гунилла тоже растолстела, и я перестал ее любить за то, что она породила такого урод¹⁷. Она меня тоже разлюбила, и расстались мы более или менее безболезненно. Карл все время хотел есть, у него были воображаемые друзья, которые научили его плохим словам и вульгарной музыке и которых я никогда не мог увидеть, он ненавидел животных. Как и его мать, он очень любил деньги. Полная противоположность мне. Внутренне. Но не без задатков. А внешне, если не считать ожирения, довольно сильно на меня похож. И это было, эта комбинация качеств, была, как я уже сказал, то, что надо. Почему Карл так напугал Сванте – потому, что он подумал, что это я вернулся, я, Йон Плунт из его детства, только чудовищно растолстевший и опухший. Я раздобыл для Карла самую дурацкую одежду его размера, которую смог найти, собственноручно привязал к спине вентилятор, дал все вводные для роли Йонсона. Карл стал спорить: ему не нравилась фамилия Йонсон. В этом он весь: какую бы простейшую вещь у него ни попросить, обязательно все испортит, обязательно захочет все сделать по-своему¹⁸. Сошлись на фамилии Карлсон. Как будто он сам себе отец. Жаль. Йонсон было наилучшим вариантом, учитывая ту фамилию, которую я взял как дядя Юлиус – Янссон. Карлсон, мне кажется, был наихудшим из возможных вариантов. Но я не возражал. Я был не в той позиции, чтоб возражать. Ведь это же был, в конце концов, мой сын, а кроме того, от его старания зависел успех моего предприятия. Карлсон так Карлсон. Не так уж принципиально.

Если не принимать в расчет мое тщеславие, обоснование моего сына даже в чем-то красиво и логично. Ведь Малыш – значит маленький (en lillebror betyder en lilliput), и, значит, раз он лилипут, то и я тоже должен быть лилипутом, а иначе нечестно и я так не играю. А знаешь, как по-польски будет лилипутство? Karłowatość. Значит, Карлсон. Не знаю, кто его по-польски надоумил.

Местные гопники Филипп и Рудольф раздобыли мне копию ключей квартиры Свантесонов, и я мог теперь всегда попадать в их дом. Один раз перед очередным визитом очередных Кристера и Гуниллы я устроил так, чтобы они встретились с Карлсоном и запустили процесс кристаллизации, овеществления тульпы, как было подробно описано в пунктах второй части настоящего трактата. Дальнейшее вы в общих чертах знаете.

3.6. Осталось рассказать о фрекен Хильдур Бок. Вот найм домохозяйки устроил не я. Все, что случилось дальше, было только закономерно. Машина событий была запущена и работала с точностью швейцарского часового механизма смерти. Она (фрекен Бок) действительно мне нравилась (как человек), и я решил вытащить ее из этого гадюшника. Я увез ее в Вестергетланд и нашел там работу домоправительницей у хорошего человека с тремя детьми, вдовца. Они потом поженились.

¹⁷ Не урод, а успешного ученого, в меру упитанного мужчину в самом расцвете сил, лучшего в мире рисовальщика петушков, отца троих детей и PhD в области философии из Виттенбергского университета.

¹⁸ Вообще-то это называется *упорство*.

3.7. А я уехал за границу и больше никогда не возвращался в Стокгольм и не видел ни семейство Свантесонов, ни Карла, никого, никого. Даже в свой последний приезд в Швецию в Стокгольме, тем более в Вазастане, я не останавливался.

Нет, вру, один раз все-таки был. Я написал книгу, где в завуалированном виде рассказал обо всей этой истории, чтобы Сванте Свантесон прочел ее, и ему, наконец, СТАЛО СТЫДНО. Используя связи Гуниллы в издательском мире, я уговорил ее поставить свое имя на обложку, и книга стала хитом. Классическая ситуация win-win, даже win-win-win; выиграли все: я облегчил душу, Астрид заработала денег, и даже семейство Свантесонов осталось в выигрыше – никто не понял подоплеки, и вместо всеобщего осуждения Свантесоны получили всеобщую популярность. Впрочем, это выигрыш сомнительный, если вспомнить, как папа в книге просил остальную семью никому о Карлсоне не говорить.

3.8. Книга о Карлсоне стала почему-то особенно популярна в Советском Союзе. Да уж ясно почему! Тут-то умеют ценить духовных Прометеев, несущих людям огонь знаний. Хорошо все-таки, что я существую, лучший в мире эксперт по Карлсонам, Коперник, видящий жемчужное зерно там, где не видят другие, хотя оно и лежит у них перед глазами. Ровно как старушка и очки. А если и видят, то говорят: к чему оно? Какая вещь пустая! А я, признаться, был бы гораздо более рад зерну ячменному¹⁹ – те еще хуже, презренные филистеры. Они даже хуже моего сынули²⁰. Тот хотя бы живой²¹. Профанное пламя уже не загасить, а огонь знаний тухнет постоянно. Потому-то я и переехал в Москву и выучил великий русский язык²².

¹⁹ Оно не столь хоть видно, да сытно.

²⁰ «Сынуля» на самом деле, как уже было сказано, – успешный ученый, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, физических и моральных, лучший в мире рисовальщик петушков, отец троих детей и PhD в области философии из Виттенбергского университета.

²¹ Вот это чертовски верно!

²² Йон Плунт-младший, он же Юлиус Янсон, умер до распада Советского союза. Комментарии к тексту написал, а также необходимые правки и дополнения в первой части трактата внес его сын, Карл Карлсон.